

Н.М.Новикова.

Формирование Лошицкой усадьбы на фоне историко-бытовой перспективы

Территория Лошицкого усадебно-паркового комплекса охватывает природно-культурную среду на площади около 100 га и представляет собой ландшафтно-исторический памятник со многими составляющими. Проблема изучения Лошицы чрезвычайно многоплановая. Одним из основных является историческое направление с выявлением хронологии владельцев, что тесно переплетается с вопросами формирования комплекса и его устройством на разных этапах существования. Исследования последнего времени убеждают в том, что история создания Лошицкой усадьбы уходит своими корнями по крайней мере к началу XVI века и растворяется в массе формирований частновладельческого землепользования.

Традиционно XV и XVI столетия считаются золотым веком Великого княжества Литовского. В это время, как известно, окончательно оформилось юридическое право державы, которая, несмотря на невиданную доселе агрессию Москвы и Крымского ханства, переживала духовный и экономический подъем. В XVI веке существенно возросла ценность земли. Правительство уже давно рассматривало землевладение как форму вознаграждения за военную и государственную службу и не скупилось при раздаче великокняжеской земельной собственности. Процесс образования и развития частного землевладения захватил и Минский повет, в котором «к 1567 году в прошлом обширные так называемые “господарские” владения в результате пожалований великих князей почти полностью оказались в руках феодалов»¹. К сожалению, выявленные свидетельства XVI века о лошицких землях и их владельцах единичны и разрозненны, а потому не позволяют с уверенностью судить об этом периоде. Тем не менее, информация, извлеченная из доступных источников, в некоторой мере дает ключ к пониманию проблемы и позволяет на основе сопоставления имеющихся данных представить возможное развитие событий в биографии усадьбы.

Итак, среди получателей королевских привилеев во второй половине XV — начале XVI веков далеко не последними были князья Заславские, которые, как известно, вели свое происхождение от великого князя литовского Евнута, отстраненного от власти в 1345 году братьями Ольгердом и Кейстутом. В качестве компенсации Евнут получил в свое владение Заславль с околицами, и его потомки стали именоваться князьями Заславскими (Жеславскими). Праправнук Евнута Богдан Иванович Заславский, согласно семейной традиции, начал свою государственную службу при дворе короля Казимира в качестве господарского дворянина (должности, предполагавшей весьма широкий круг обязанностей). Поначалу он и его братья, также дворяне короля, получали в награду за службу пожалования в виде различных денежных сумм, сукна, ли-

сьих шуб, адамашки и т.п.² Однако благосостояние их как представителей привилегированного феодального сословия основывалось на укреплении и увеличении земельной собственности. А наиболее распространенной формой землевладения в то время были великокняжеские пожалования.

В литературных источниках³ сообщаются названия владений, полученных от правительства братьями Заславскими: Михаилом, Богданом и Федором. Последний, кстати, на правах младшего, единственный из них владел родовой вотчиной – Заславлем, поскольку по тогдашним законам «наследство после отца переходило к сыновьям, но главную часть его, т.е. место пребывания, дом отцовский получал меньший сын, с обязанностью содержать при себе мать»⁴. Старший, Михаил, женившись на дочери князя И.Ю. Мстиславского, получил в вотчину часть Мстиславского княжества и (с разрешения верховной власти) фактический статус удельного князя.

Богдан службу господарского дворянина исполнял и при дворе великого князя Александра, а в 1499 году получил «урад» наместника минского. В этом качестве князь Богдан обладал большими полномочиями. На нем лежали многочисленные административные и хозяйственные обязанности в Минске и Минском повете, он осуществлял суд и возглавлял местные вооруженные силы. Документы тех лет подтверждают его служебное усердие, вероятной наградой за которое (или поощрением) стали Прилуки и Лошица, пожалованные Александром⁵.

Размеры Лошицкого пожалования и его расположение относительно границ города Минска неизвестны, зато известно, что уже во второй половине XV века определенные участки территории, прилегающие к речке Лошице, были в частных руках. Акты Литовской метрики даже называют некоторые имена. Так, среди прочих, имения «на реце на Лошици» держали «Петр, князя Миколаевъ бискупов брат», а также Станко Битевич⁶. Князь Богдан к моменту вступления в должность наместника минского был уже женат на Аграфене Ивановне Ходкевич, в собственность которой также входили владения с крестьянами в этой части Минского повета. Об этом свидетельствует документ под названием «Припоминанье наместника Менского, князя Жеславского, о люди Лошицкие»⁷, который относится к 1511 году и где речь идет о вотчине супруги наместника.

Не исключено, что Лошицкое имение княгини Аграфены и пожалование великого князя Александра, сделанное ее мужу, стали тем ядром, вокруг которого начали собираться наместнические владения под Минском. Это соответствовало логике господарских пожалований, Великокняжеская власть не возражала, когда наместники делали свои земельные приобретения в подведомственных им районах. Должность князь Богдан сохранял до самой смерти, до 1530 года. Со временем, вероятно, в результате пожалований и покупки земли, а также практиковавшегося в те времена обмена имениями ему удалось сформировать на берегах Лошицы довольно значительный массив. Тем более, что должность наместника облегчала получение подтверждений от короля на вновь приобретаемые владения, без чего наследование их было бы невозможным.

Поскольку у князя Богдана не было сыновей (которые по закону пользовались бы преимуществом при дележе вотчины, то есть отцовских добр), то полностью реализовывалось право дочерей на наследование равных частей как материнского, так и отцовского владения. Поэтому каждой из княжон была назначена определенная часть родительского имения, куда входили и земельные наделы.

Старшая, Мария, ставшая в замужестве княгиней Толочинской, получила от родителей землю, называемую в более поздних документах «кгрунт Лошицкий двор князя Толочинского», а в середине XVI века ставшую Лошицей Горностаевской.

Княжна Анна вышла за князя Януша Друцкого-Любецкого. Это имя в лошицкой топонимике следов не оставило, может быть, потому, что Анне были назначены Прилуки, которые она получила после смерти отца уже по материнскому завещанию и которые после смерти самой Анны в 1542 году по суду разделили ее сестры Мария, Федка и Томила, хотя Анна составила завещание в пользу мужа. В данном случае родственники воспользовались своим правом претендовать на наследственные владения бездетной сестры и выиграли дело.

Федка, похоронив в 1540 году первого мужа Семена Ямонтовича Подберезского, с которым у нее также не было детей, впоследствии вторично вышла замуж и стала княгиней Андреевой Одынцевичевой. Вероятно, это ее часть лошицких владений получила название Одынцевской.

Младшая княжна Заславская, Томила, в замужестве княгиня Друцкая-Горская⁸, интересна тем, что ее сыновьям удалось, хоть и ненадолго, вновь сосредоточить в рамках одной семьи лошицкую дедину, прежде чем она окончательно распалась. Рано осиротев, дети Григория Федоровича и Томилы Богдановны Друцких-Горских выросли под опекой родственников, оформленной в 1561 году, а через двадцать лет им уже принадлежали Лошица Горностаевская, Лошица Одынцевская и другие лошицкие грунты, один из которых назывался Корабинец. Нет сомнения, что братья Друцкие-Горские, испытывая естественное стремление феодалов удержать владения, в полной мере использовали свои наследственные права в деле восстановления фамильного достояния. Закон, согласно которому даже проданные имения подлежали выкупу родственниками (в первую очередь детьми), был на их стороне – единственных внуков князя Богдана Заславского. Судьи в имущественных спорах всегда защищали имущественные права детей на «отчизну и дедизну», даже если завещание было составлено не в их пользу.

Однако вновь объединенной лошицкой вотчине князей Друцких-Горских суждено было вскоре окончательно разделиться. Рубежом стал 1597 год, когда между старшим князем, Федором Григорьевичем, и его племянниками возникли споры «касательно раздела отеческого и матчинного имения».

Решением подкоморского суда и «с согласия Князей и Княгинь Горских» князю Федору Григорьевичу была назначена Лошица Горностаевская, а его племянники Самуил, Константин и Симеон Петровичи получили Лошицу Одынцевскую⁹.

Основание интересующего нас двора, доставшегося князю Федору, очевидно, следует связывать с деятельностью князя Василия Юрьевича Толочинского, так как каких-либо указаний на более раннее его возникновение (хотя это и не исключено) не имеем. Князь Василий Толочинский, один из богатейших и влиятельнейших представителей рода князей Друцких первой половины XVI века, был женат, как уже говорилось, на старшей княжне Заславской – Марии Богдановне. Поскольку в старинных судебных актах под 1557 годом содержится упоминание «кгрунту князя Толочинского двора Лошицкого»¹⁰, стало быть, начало существованию указанного двора было положено не позднее первой половины XVI столетия, так как князь Василий умер в 1546 году. Его супруга вторично вышла замуж за Ивана Горностая, высокопоставленного королевского чиновника и крупного землевладельца, вследствие чего имения Горностая умножились за счет собственности Марии Богдановны, а Лошица князя Толочинского стала называться Горностаевской. Это название прочно закрепилось, несмотря на то, что поместье впоследствии надолго стало собственностью князей Друцких-Горских.

Думается, вначале это был обычный фольварок – порождение волочной реформы XVI века, то есть новый тип хозяйства с товарным характером производства, основанный на труде крепостных крестьян. Такие дворы, как грибы, вырастали на Беларуси в XVI веке. Их вызвал к жизни постоянно увеличивавшийся спрос на зерно в Западной Европе. Одним из основных поставщиков этой продукции было Великое княжество Литовское. Фольварочные хозяйства, таким образом, занимались производством хлеба на продажу. Под фольварок отводились лучшие земли. В состав его входили разнообразные хозяйственные и производственные службы, которые располагались в соответствующих функциональных зонах: гумно, скотный двор, конюшни, амбары, овощехранилища, ледники, сыродельни и т.д. Наличие речки обеспечивало возникновение мельницы, бровара и корчмы, поскольку хозяйственная деятельность дополнялась переработкой зерна. Во второй половине XVI – первой половине XVII веков фольварки были основной формой хозяйственной организации белорусского феодального поместья.

В том же XVI веке в Беларуси появляются инвентарные описания феодальных владений. Но подобных документов того времени, касающихся Лошицкого комплекса, не выявлено. Поэтому нет возможности судить о его устройстве и возникновении тех или иных построек ни в XVI, ни в XVII веках. Хотя с большой долей вероятности можно предположить, что начало производственным усадебным службам, сохранившимся донныне, было положено именно тогда.

Не подлежит сомнению, что на состоянии лошицкого двора ко второй половине XVII — первой половине XVIII веков отразился общий экономический упадок Беларуси, вызванный военной разрухой. Благосостояние семейства Друцких-Горских, очевидно, было подорвано настолько, что князь Теодор Кароль, тогдашний владелец Лошицы, вынужден был прибегнуть к использованию так называемой «посессии», или залоговому владению чужими землями. Посессия была широко распространена в те времена за неиме-

нием банков и процентных бумаг. По существовавшим правилам должник вместо уплаты процентов уступал кредитору имение вместе с доходами и правом распоряжаться крестьянами согласно инвентарю, в котором были оговорены нормы отработок. Срок залога обычно был трехлетний, но в случае неуплаты долга мог быть продлен. Понятно, что эксплуатация и материальных, и человеческих ресурсов в таком владении была жесточайшей. Нормы повинностей крестьян, установленные инвентарями, арендаторы безбожно нарушали в свою пользу. Поэтому участь Лошицы Горностаевской, которая на протяжении нескольких десятилетий находилась во власти арендаторов-временщиков, достойна сожаления.

Началом новой жизни усадьбы можно считать 16 апреля 1719 года, когда был оформлен акт продажи имения. Последний из князей Друцких-Горских, подкоморич минский Михал Антоний, уступил разоренную посессорами и отягченную долгами Лошицу Ежи Антонию Прушинскому, крайчому минскому, который уже давно и успешно вытеснял князя из его вотчинных владений, скупая их одно за другим. Получив нового владельца, Лошицкая усадьба вскоре включилась в общегосударственный процесс восстановления сельского хозяйства, который к середине XVIII века был завершен. В Беларуси начинался подъем, связанный с превращением натурального хозяйства феодальной эпохи в товарное, что было предпосылкой зарождения капитализма.

В XVIII веке особенно широко практиковалось составление инвентарных описаний феодальных владений. Лошицкие инвентари XVIII века, связанные с определенными юридическими событиями в биографии усадьбы, дают достаточно подробную картину ее состояния. Сравнение этих документов с изображением «маёнтка Прушинских» на акварели Й.Пешки¹¹, а также с существующими постройками указывает на то, что усадьба претерпела значительные перестройки, но в основном сохранила свою композиционную основу. Кроме того, инвентари дают основание предположить, что и в XVIII веке Лошица имела характер фольварочного хозяйства. Добротный господский дом, перестроенный в 1724 году, если и служил владельцам пристанищем, то крайне редко. Об этом, помимо других примет, свидетельствует и скудный перечень более чем скромной обстановки. Такой вывод подкрепляют и документы первой половины XIX века, в которых Лошица фигурирует под определением «фольварок»¹².

А вот кирпичная церковь с деревянным бабинцом, крытая «гонтами», с куполом, который имел посередине крест, с двумя колоколами, с тремя алтарями и набором облачения для священника, очевидно, исправно служила религиозным потребностям местного населения. Тем не менее Ежи Станислав Прушинский, генерал-адъютант Войска Польского, сделавшись хозяином усадьбы в 1779 году, счел необходимым изменить ситуацию. Документы этого времени утверждают, что в имении Лошица генералом построен «костёлэк» и жильё для алтариста. «Костёлэк» – восьмигранный, мурованный, гонтами крытый, расположен за воротами, на гостинце Минском», — говорится в инвентаре 1789 года¹³. Хотя можно предположить, что имела место не постройка нового храма, а перестройка существовавшего в соответствии со

вкусами и религиозным мировоззрением владельца, который был ревностным католиком и в своих имениях основал восемь костелов.

В таком виде здание каплицы просуществовало до 1927 года. Лошицкие старожилы утверждают, что в каплице, в свинцовом гробу на цепях, под прозрачной крышкой покоилось тело последней владелицы имения Ядвиги Любанской. Когда Лошицкой МТС понадобился свинец для аккумуляторов, каплицу разорили, кости выбросили, гроб использовали для хозяйственных потреб. Заодно поснимали кресты и разобрали купол, чтобы ослабить культовый характер постройки. Сровняли с землей окружавшее ее кладбище. До войны здание использовалось как склад. Во время войны немцы устроили в нем хранилище для боеприпасов и взорвали его, спешно покидая Минск в июле 1944 года. Сейчас остатки каплицы приспособлены под пасеку.

Надо отдать должное генералу Прушинскому, он много потрудился над благоустройством лошицкого двора. Привел в порядок и значительно расширил сеть хозяйственных построек. При нем появились кузня, новая обора, парники, прачечная, баня. Под окнами особняка был разбит палисадник и огорожен штaketником¹⁴. Акварель Й.Пешки, созданная в начале XIX века, документально и точно отражает как облик отдельных построек, так и всю усадебную планировку. Все постройки, обслуживавшие хозяйство, были сгруппированы по функциональному признаку и образовывали три зоны: гумно, скотный двор и производственный комплекс, куда входили бровар и мельница. Справа от палата (так инвентари называют господский дом) располагался двухэтажный фольварочный будынок, в котором размещались администрация и жилье эконома. За ним шел ряд хозяйственных построек разного назначения. Дальше начинался хозяйский фруктовый сад с двумя парниками для выращивания рассады и погребом в деревянном срубе, где хранились посадочный материал, а также сушеные овощи и фрукты.

Сугубо производственный характер усадьбы требовал от планировки прежде всего удобства, а не красоты. Этим объясняется присутствие хозяйственных служб: коровников, конюшен, амбаров – в близком соседстве с «палацем». Все это с протокольной точностью зафиксировано на акварели Й.-Пешки. Однако изображенные на ней дворовые постройки и деревья скрывают обнесенное парканом гумно. Гумно стояло особняком и представляло собой замкнутый комплекс амбаров, мякинников, осетей и одрын, окружавших ток. На переднем плане, над прудом, виден производственный комплекс. На водоспуске – водяной млын «о двух колесах». За млыном, наискосок, — дворный бровар: бревенчатое, крытое дранкой строение, расположенное в непосредственной близости от пруда, который обеспечивал необходимый для производства запас воды. И все же, несмотря на утилитарность, подчиненную ландшафтным условиям, усадьба Прушинских покорила художника своей живописностью.

Невдалеке от усадьбы, при гостинце, стояла корчма, служившая одновременно гостиницей, местом для проведения сходов и поветовых сеймиков, а также питейным заведением. Ее планировка, судя по инвентарям, соответствовала типу заезжей корчмы. Она имела большую стодола (конюшню), свя-

занную общей кровлей с шинком и жилым помещением. Центральный сквозной проезд был вымощен половицами. По неподтвержденным пока данным, лошицкая корчма была перестроена в 1892 году. В советское время служила клубом. Сейчас здание, сильно поврежденное пожаром, активно разрушается. При том, что сегодня в Беларуси сохранились единицы таких памятников, ситуация с лошицкой корчмой представляется тревожной и заслуживает весьма пристального внимания.

В 1796 году Лошица переходит по наследству к Станиславу Ксаверию Прушинскому, подкоморию минскому, который поселяется здесь со своей семьей¹⁵. Это сразу меняет характер усадьбы. Из фольварка она превращается в резиденцию, что влечет за собой необходимость заботиться о придании ей благородного облика, соответствующего положению, амбициям и вкусам ее обитателей. Возможно, начало строительства лошицкого парка связано именно с этим моментом, хотя не исключено, что работы по созданию парка затеял еще генерал Прушинский, так много сделавший для благоустройства усадьбы в 1779—1789 годах.

Относительно планировочного развития усадьбы в XIX веке известно следующее. В 1806 году на берегу Свислочи, за фруктовым садом, подкоморий Прушинский построил новую большую мельницу «о двенадцати колесах»¹⁶, ставшую причиной длительного судебного конфликта с соседями. Перекрытая плотиной река вышла из берегов и затопила соседские сеножати. Конфликт этот вместе с имением достался в наследство сыну подкомория Евстафию, которому пришлось много потрудиться, чтобы вытащить Лошицу из судебных процессов, из долгов и довести хозяйство и свою резиденцию до цветущего состояния, заслужив репутацию одного из лучших хозяев Минской губернии. В это время вокруг особняка продолжает складываться парк пейзажного типа, дендрологический состав которого отличается богатством и разнообразием. В целях эстетизации усадьбы и рационализации хозяйства владельцы убирают с территории парка малоэффективные постройки скотного двора и располагают их на противоположной стороне Игуменского тракта, по соседству с броваром, украшая парадный двор перед домом открытым партером с газоном в форме сердца. Парк в течение XIX века становится достойной оправой Лошицкой усадьбы, которую естественная водная граница теперь разделяет на хозяйственно-производственную и парадно-парковую зоны.

Последний строительный этап в Лошице связан с деятельностью Евстафия Ивановича Любанского. Он стал ее хозяином в 1884 году и входил в число крупнейших землевладельцев Минской губернии. Новый хозяин относился к той категории поместного дворянства Беларуси, которая в конце XIX века вела преимущественно предпринимательское, капиталистическое хозяйство. Эти люди не ограничивались только сельскохозяйственным производством. Вкладывая капиталы в промышленность, они пополняли ряды формирующейся буржуазии. Активная деятельность Любанского, внимательного к новейшим достижениям науки и производства, привела к коренному переустройству имения на капиталистический лад. Он подверг реконструкции

лошицкий винокуренный завод, построил две новые мельницы, основательно перестроил усадебный дом, пополнил число хозяйственно-служебных построек за счет двухэтажного флигеля и сторожки, наладил в имении производство кирпича. Кроме того, на усадебной земле, которая 2 апреля 1899 года вошла в черту города, этот неугомонный человек построил два завода: крахмально-паточный и дрожжевинокуренный¹⁷. С прекращением деятельности Любанского закончилось и совершенствование усадьбы, на формирование которой история, таким образом, отпустила около 400 лет.

Хозяйственные постройки, существовавшие на территории усадьбы в XVIII веке и ранее, не уцелели, потому что в XIX веке их неоднократно расширяли, разбирали, переносили, перестраивали. До нас дошли только поздние сооружения второй половины XIX—начала XX веков. Одно из них – винокуренный завод, выросший на месте небольшой деревянной постройки XVIII века с кирпичной печью и двумя помещениями, где проращивали и сушили зерно для солода, – в нынешнем виде представляет собой ценность как памятник белорусской промышленной архитектуры конца XIX века. В 1896 году к существующему зданию усадебного бровара Любанский пристраивает ректификационный цех, заботясь, разумеется, прежде всего о совершенствовании предприятия и повышении его доходности и не подозревая, что формирует окончательный облик памятника. В 1903 году бровар получил еще и паровичное помещение¹⁸, или кочегарку. Ныне кочегарки уже нет, облик ее сохранила лишь фотография 1966 года. А здание усадебного бровара, несмотря на его аварийное состояние, до сих пор используется как многоквартирный жилой дом.

Функция жилого дома в советское время была возложена также на обе лошицкие мельницы, которые появились в усадьбе после пожара 1895 года, уничтожившего прежние деревянные корпуса. Одна из них начала работать через шесть лет после пожара – 1 октября 1901 года¹⁹. В окрестностях Минска это было самое большое предприятие подобного типа. Разместилось оно в трехэтажном кирпичном здании, которое было построено на берегу Свислочи по проекту технической конторы крупнейшего машиностроительного завода дореволюционной Беларуси, принадлежавшего Лифшицу и Якобсону. До середины семидесятых здание служило в качестве жилого дома. Но после того, как его обитатели переехали в благоустроенные квартиры Серебрянки, окрестное население, движимое практическими целями, в короткий срок разобрало бывшую усадебную мельницу на кирпичи.

Другая лошицкая мельница, куда более скромных размеров и оснащения, вероятно, была построена вскоре после пожара с тем, чтобы обеспечивать самые насущные потребности имения, пока владелец готовился к строительству более масштабного производства. Сегодня эта столетняя постройка, до сих пор используемая как жилье, превратилась в трущобу, но все еще сохраняет привлекательность прежней архитектуры.

Последним предприятием, которое Любанский под влиянием очередного подъема производства, охватившего Россию в 1910—1911 годах, устроил у себя в усадьбе, был кирпичный завод, начавший работать в 1912 году. Где он

располагался, неизвестно. Возможно где-то рядом с карьером, который стали разрабатывать вблизи новой мельницы и очертания которого хорошо просматриваются до сих пор.

Композиционным центром и доминантой ансамбля в Лошице является усадебный дом. Удачно поставленный на высоком берегу Свислочи, он когда-то присутствовал во всех главных видовых картинах парка, раскрывавшихся с разных его точек. Сегодня специалисты отмечают, что растительные наслоения послевоенных лет существенно изменили историческую объемно-пространственную структуру памятника. Поэтому проект реконструкции Лошицкого усадебно-паркового комплекса, разработанный группой архитекторов СНРПО «Белреставрация» под руководством Л.П.Луцевич, предлагает максимальное восстановление его исторической среды с сохранением главной территориальной функции за усадебным домом.

Каким был облик дома в его первоначальной ипостаси и когда он был построен, неизвестно. На протяжении своего долгого существования он не раз подвергался переделкам и перестройкам. Однако документально пока подтверждена только одна, произведенная в 1724 году²⁰, вскоре после приобретения имения Прушинскими. Кроме того, в результате археологических исследований, произведенных в сентябре 1987 года с целью изучения фундаментов, вдоль южной и восточной стен дома обнаружались остатки старинной кирпичной кладки, которую А.К.Кравцевич отнес к концу XVI—началу XVII веков²¹.

Дом, выстроенный Ежи Антонием Прушинским в 1724 году на месте ранее существовавшего и запечатленный на акварели Й.Пешки, был не слишком велик. Архитектура его была характерной для шляхетской усадьбы средней руки или фольварка: одноэтажный, прямоугольный в плане, под высокой гонтовой крышей, с небольшим крыльцом без покрытия. Внутренняя планировка включала всего девять покоев, окружавших просторные сени и обогревавшихся шестью кафельными печами. Причем инвентарь 1772 года, то есть более ранний, о наличии печей во втором и пятом покоях не упоминает. Из этого можно сделать вывод, что они появились в доме благодаря заботам генерала Прушинского между 1779 и 1789 годами. По всей вероятности, эта система планировки без особенных изменений сохранялась до того момента, когда владельцем имения стал Евстафий Любанский. Старый дом, не соответствовал амбициям молодого хозяина, казался ему тесным и убогим, поэтому был перестроен и получил развитие в виде двухэтажного кирпичного объема, где разместилась жилая зона. Планировка одноэтажной, парадной, части здания также не избежала изменений. Вместо девяти осталось восемь разновеликих помещений, соединенных как анфиладной, так и коридорной связью. В результате перестройки высокий берег Свислочи украсил живописный особняк, поражающий оригинальностью архитектурного решения. Его эстетические и утилитарные достоинства высоко оценивали все посетители усадьбы.

Дом был устроен очень продумано и удобно. Просторный вестибюль в форме неправильного шестигранника и соседствующий с ним большой салон

образовали центральное ядро парадных помещений, вокруг которого сгруппировались слева столовая с буфетной, а справа – библиотека, соединенная с цепочкой проходных гостиных. Самую большую из них со стороны паркового фасада дома дополнила широкая терраса с великолепным видом на Свислочь и заречные окрестности. Весьма солидное благосостояние Любанских позволяло им использовать при оформлении своего жилища многие модные новинки того времени, которые предлагали эклектика и модерн. Следуя рекомендациям тогдашних специализированных журналов, которые советовали каждое помещение в доме оформлять в своем стиле, владелец отдал предпочтение помпейским росписям (коридор и лестничный объем), элементам ренессанса (библиотека и столовая), английскому стилю (вестибюль), а также самому популярному из всех подражательных стилей, модных более 100 лет назад, – второму рококо (гостиные). Не последнюю роль в убранстве покоев сыграли кафельные печи, которых в доме сохранилась целая коллекция.

Парадная часть лошицкого дома представляет собой компактную группу проходных комнат, очень удобных для приемов гостей. Здесь каждый из них имел возможность выбрать себе местечко по вкусу. В то же время всех присутствовавших объединяло общее пространство. Однако столовая с буфетной были выключены из вереницы парадных помещений и размещены рядом с лестницей, ведущей вниз, на кухню, чтобы удобнее было сервировать столы и убирать их, не беспокоя гостей. Кроме того, на кухню и в другие хозяйственные помещения, которые занимали цокольный этаж здания, можно было попасть непосредственно со двора – через черный ход, скрытый под маленькой северной верандой.

В двухэтажной части особняка, вдали от основной группы парадных помещений, разместилась еще одна гостиная – с камином, предназначенным не только для отопления, но и для удаления кухонных запахов из дома, а потому расположенным в непосредственной близости от спуска в подвал, т.е. на кухню. В конце XIX столетия камины, подобные лошицкому, изготавливавшиеся в Риге по немецким образцам²², буквально наводнили Москву. Как считает старший научный сотрудник музея-заповедника «Коломенское» С.Баранова²³, популярность среди москвичей рижской продукции обеспечивала ее относительная дешевизна. Вероятно, выпускали такие камины недолго, поэтому они не успели проникнуть далеко вглубь России. Во всяком случае, нам, помимо Москвы пока известен всего один адрес: Самара, Музей детского рисунка, который размещается в бывшем купеческом особняке. Кроме того, Национальный музей истории и культуры Беларуси имеет в своих фондах выполненный в Риге керамический барельеф, сходный по стилистике с центральным изображением на камине лошицкого особняка.

Как видим, планировка дома Любанских была подчинена прежде всего принципам целесообразности, удобства и максимального комфорта для его обитателей, к чему так стремились архитекторы модерна. Органично вписавшись в ландшафт, здание не нарушило интимного характера усадьбы, выросшей из естественной ситуации благодаря импровизированному сотрудничеству многих поколений владельцев.

Нынешний этап изученности Лошицкого комплекса дает возможность понять, что его развитие происходило последовательно и закономерно от феодалного двора с фольварочным характером производства до помещичьей резиденции и далее – до хозяйства, базирующегося на капиталистической основе. Из четырехвековой истории Лошицкой усадьбы до нас дошли единичные свидетельства о ней и ее владельцах. Поэтому освоение прошлого памятника, выявление его художественной ценности и своеобразия составляют цель исследования, результаты которого столь необходимы для использования будущим музеем.

¹ Спиридонов М.Ф. Перепись войска Великого княжества Литовского как источник по истории поселений Белоруссии// Литовская метрика. Исследования 1988 г.— Вильнюс, 1992. — С. 107.

² Русская историческая библиотека. — СПб., 1910. — Т. 27. — С. 182—212, 249, 291—292, (в дальн. — РИБ).

³ Вольф Ю. Князі на абшарах Вялікага княства Літоўскага ад канца XIV ст.// Спадчына, 1994, № 5. — С. 103—104, 107—108 (в дальн. — Вольф Ю.); Нарбут А. Генеалогія Беларусіі (XVI—XVIII вв.). — М., 1994. — Вып. 2. — С. 72—75 (в дальн. — Нарбут А.); Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. — Мн., 1996. — Т.3. — С. 412—413 (в дальн. — ЭГБ).

⁴ Акты Виленской археографической комиссии. — Вильна, 1865.— Т. 1. — С.8.

⁵ Беларускі архіў. — Мн., 1931. — Т. 3. — С. 6—7 (в дальн. — БА); РИБ, СПб., 1903. —Т. 20. —С.602—603, 709—711; Литовская метрика (1528—1547). — Вильнюс, 1995. — Кн.6: Книга судных дел. — С.36—37; ЭГБ. — Мн., 1996. — Т.3. — С. 413.

⁶ РИБ. — СПб., 1910. — Т.27. — С.136—137.

⁷ РИБ. — СПб., 1903. —Т.20. — С.697.

⁸ Нарбут А. — С. 75, 93, 94, 96. 102, 112—114, 120; Вольф Ю. — С. 107—108; ЭГБ. — Мн., 1993. — Т. 1. — С.274; Мн., 1996. — Т.3. — С.295—297; Мн., 1999. — Т.5. — С.371.

⁹ Новикова Н. К вопросу об истории Лошицы и ее владельцах (XVI—начало XX в.) // Паведамленні Нацыянальнага мастацкага музея Рэспублікі Беларусь. — Мн., 1997. — Вып.2. — С. 39 (в дальн. — Новикова Н.).

¹⁰ БА. — Мн., 1931. — Т.3. — С. 18—27.

¹¹ Акварель Й.Пешки “Łoshyca, majątek Prószyńskich pułmili od Minska” хранится в библиотеке им. В. Стефаника во Львове.

¹² НГА РБ, ф. 54, воп.1, спр.7; ф. 299, воп.2, спр.861.

¹³ НГА РБ, ф. 179, воп.1, спр.60, л. 10; ф. 179, воп.1, спр.88, л.12адв.

¹⁴ НГА РБ, ф. 1727, воп.1, спр.29, ч.6, л. 426—442.

¹⁵ Новикова Н. —С. 42; НГА РБ, ф. 1769, воп.1, спр.80; ф. 686, воп.1, спр. 67.

¹⁶ НГА РБ, ф.179, воп.1, спр.181.

¹⁷ НГА РБ, ф.299, воп.5, спр.1359; ф.311, воп.1, спр.13, л.14адв., 17адв.; ф.310, воп.1, спр.34.

¹⁸ НГА РБ, ф.299, воп.1, спр.866, л.172—172адв.; ф.311, воп.1, спр.154, л. 26.

¹⁹ НГА РБ, ф.311, воп.1, спр.13, л.10адв.

²⁰ Новикова Н. —С. 40—41.

²¹ СНРПО «Белреставрация». Археологический отчет о проведении раскопок усадьбы в Лошице в сентябре 1987 г. — Мн., 1988.

²² Грубе Г., Кучмар А. Путеводитель по архитектурным формам. — М., 1990. — С. 195.

²³ Хрупкая вечность. — Передача РТР для телеканала «Культура». Реж. Л.Анисимова. ВМА — 20, 22. АМФ — 14.